

ОБ ОБЪЯСНЯЮЩЕЙ И ОПИСАТЕЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

ГЕРМАН ЭББИНГАУЗ

ГЕРМАН ЭББИНГАУЗ (1850–1909) — немецкий психолог, один из наиболее известных психологов-экспериментаторов своего времени. Его работа «О памяти» является основополагающим трудом по современной психологии памяти.

HERMANN EBBINGHAUS (1850–1909) — German psychologist, one of the most famous experimental psychologists of his day. His work “On Memory” is a fundamental contribution to contemporary psychology of memory.

В КНИГЕ под названием «Идеи к описательной и расчленяющей психологии»¹ В. Дильтей недавно поставил принципиальные вопросы этой науки. Объем его работы немал, и читать ее непросто; и все же мне пристало подойти к ней с определенным вниманием, поскольку она затрагивает ту область, где, по верному слову, ожидают найти раскрытой «плеяду загадочных тайн». Поэтому далее я попытаюсь в компактной форме представить мысли Дильтея, но главным образом — получше осветить их возможную сферу применения.

Господствующая психология, по мнению Дильтея, следует ложному идеалу. Она стремится быть объясняющей наукой по образу, например, физики или химии, то есть она «посредством ограниченного числа определенных элементов» стремится подчинить явления своей области великой всеохватывающей причинной связи.

Для нее, по мнению Дильтея, характерны две вещи: небольшое число определенных элементов и тенденция к выведению, кон-

Перевод с немецкого *Виталия Куренного* по изданию: © *Ebbinghaus H. Ueber erklärende und beschreibende Psychologie // Zeitschrift fuer Psychologie und Physiologie der Sinnesorgane. 1896. № 9. S. 161–205.*

1. *Sitzungs-Berichte der Berliner Akademie der Wissenschaften vom 20. Dezember 1894. В., 1985.* Я цитирую по специальному выпуску. Страница указанного издания получается путем прибавления 1308. (Далее все цитаты из Дильтея даны в собственном переводе. Существующий русский перевод обсуждаемой Эббингаузом работы см.: *Дильтей В. Описательная психология / Пер. с нем. Е. Д. Зайцевой под ред. Г. Г. Шпета. М.: Русский книжник, 1924. — Прим. пер.*)

струированию всех возможных фактов. Элементы, которые при этом полагаются в основание всего этого здания, суть ощущения, представления, чувства удовольствия и неудовольствия, а также процессы ассоциации, апперцепции, слияния, помимо этого — допущение неосознанных представлений, равно как и всеобщая предпосылка строгой причинности психических событий «по принципу: *causa aequat effectum*». Вспомогательное средство объяснения образуют гипотезы и система гипотез об отношении одних элементов к другим и их сцеплении. Особенно яркими представителями этого направления являются психологи так называемой ассоциативной психологии: к ней причисляются оба Милля, Спенсер, Тэн, а также Герbart. В последнее время сходство между методом этой объясняющей психологии и методом естествознания стало еще ближе в силу того, «что сейчас эксперимент благодаря заметному успеху стал вспомогательным средством психологии во многих ее областях». «И если бы кому-нибудь удалось попытка применить количественные определения не только к внешней деятельности... но и к самому ее внутреннему миру, то это сходство только увеличилось бы» (1, 18, 20, 21).

Между тем весь этот перенос естественно-научных методов на психологию Дильтей считает заблуждением; для него это — неправомерное распространение понятий и подходов, которые хороши на своем месте, на область, своеобразию которой они никоим образом не отвечают. Его главный аргумент при этом состоит в следующем.

Факты внешнего мира, с которыми имеет дело естествознание, даны нашему восприятию как отдельные и бессвязные. Связь между ними образуется только потому, что мы создаем ее, то есть в силу того, что мы дополняем умозаключениями пробелы, имеющиеся при непосредственном наблюдении, и с помощью наших гипотез связываем в целостное единство то, что дано нам всего лишь как совместное или последовательное. Следовательно, единство объекта, который мы мыслим, покоится на происходящем изнутри синтезе чувственных ощущений. Но только наша духовная активность вносит взаимосвязь причин и следствий (*Wirkungen*) и важное представление о количественном и качественном соответствии между тем и другим. Здесь, следовательно, связующие и объясняющие гипотезы являются правомерным и необходимым вспомогательным средством метода познания.

Духовная жизнь, напротив, дана нам совершенно иначе. Взаимосвязь фактов, которая в случае внешнего мира дополнительно должна быть установлена и положена в основание чувствен-

ных впечатлений, лежит здесь «в основании как всегда изначально данная». Связь многообразного в единство, связь частей в целое в случае внутреннего восприятия дана сознанию непосредственно, образует фундаментальное и изначально переживание. «Если мы выполняем... акт мышления, то в нем различимое множество внутренних фактов объединено в непосредственное единство функции... Если мы рефлектируем на тождественность, которая одновременно удерживает большинство внутренних процессов и заключает последовательность этих процессов в единство жизни, то здесь еще более удивительным образом обнаруживается то, что дано нам во внутреннем переживаемом опыте, — данность, которая тем не менее не имеет ничего общего с процессами природы... Более широкую взаимосвязь мы переживаем, когда, например, из посылок в нас возникает заключение: здесь имеется взаимосвязь, которая ведет от причин к следствиям, но и эта взаимосвязь возникает изнутри, дана в переживании как реальность».

Под тождественностью, «которая удерживает одновременность и последовательность отдельных жизненных процессов» и которая непрозрачна на свой собственный манер, предположительно имеется в виду самосознание; но в любом случае основная мысль ясна: в мышлении, умозаключении и прочем внутреннем опыте непосредственно внутренним образом постигается и переживается единство и причинность, взаимосвязь и воздействие. Только отсюда они затем переносятся на внешнюю природу; «любая взаимосвязь, которую видит наше восприятие и полагает наше мышление, заимствована из подлинной внутренней сферы жизни». Живая взаимосвязь не достигается, следовательно, «постепенным приближением», как в случае взаимосвязи внешнего мира. «Это жизнь, которая налична до всякого познания». «Психологии вообще не требуются, таким образом, положенные в основание понятия, достигаемые путем умозаключений, чтобы установить некоторую окончательную взаимосвязь среди больших групп психических фактов». Определенные разрывы данности должны, правда, заполняться нами, но это, по мнению Дильтея, возможно совершенно иным образом, нежели чем с помощью конструкций объясняющей психологии.

В то же время эта данная «посредством внутреннего опыта... как живая, свободная и историческая» взаимосвязь есть единственное, что нам доступно; мы не можем надеяться достигнуть с помощью наших конструкций, например, еще какой-нибудь другой связи, расположенной за этой. «Мы не можем создать взаимосвязи помимо той, которая нам дана. За взаимосвязь, как она нам

сама дана во внутреннем опыте, наука об этой психической жизни заглянуть не может. Сознание не может обойти самое себя. <...> Мышление не может заглянуть за свою собственную действительность, за действительность, в которой оно возникает». Если же попытаться, то как взаимосвязь, сконструированная за пределами действительности, она может «состоять только из тех фрагментов содержания, которые имеют место в этой действительности». «Но, исходя, в свою очередь, из этой абстракции, никакое правомерное средство мышления не может привести обратно к живой действительности психической взаимосвязи... Эта конструкция того, что дано в жизни, посредством чего-то положенного в ее основание, не может пополнить наши знания о живой взаимосвязи» (5, 32, 55 ff).

Это первое и важнейшее возражение против объясняющей психологии служит основой также для последующего. Гипотезы, которыми эта психология должна пользоваться для своих дедукций и конструкций, в психологической области вообще не могут, по мнению Дильтея, иметь того значения, которое они имеют для естественно-научного познания. Дело в том, что факты «в области психической жизни не могут получить той достаточной определенности, которая требуется для опробования теории путем сравнения ее выводов с этими фактами. Поэтому ни по одному решающему вопросу не удастся достичь исключения одних и подтверждения других гипотез». Напротив, каждой гипотетической связи противостоит дюжина других, из которых можно примерно с равным успехом или неуспехом выводить то, что требует объяснения. «Поэтому когда мы стремимся достичь полного причинного познания, то оказываемся загнанными в туман гипотез, для которых совершенно не предвидится никакой возможности опробования на психических фактах». «Гипотезой такого рода является учение о параллелизме нервных и духовных процессов... Такой гипотезой является сведение всех явлений сознания к элементам, представляемым как атомарные, которые воздействуют друг на друга в соответствии с закономерными отношениями. Такой гипотезой является выступающее с претензией на причинное объяснение конструирование всех психических явлений из двух классов — ощущений и чувств, в силу чего... столь отчетливо выделяющаяся [на фоне ощущений и чувств] воля становится вторичным явлением. Посредством одних лишь гипотез из психических элементов и связующих их процессов выводится самосознание. Одни только гипотезы мы имеем о каузальных процессах, благодаря которым достигнутая психическая взаимо-

связь постоянно оказывает столь мощное и загадочное влияние на наши сознательные процессы умозаключения и воления. Гипотезы, везде одни гипотезы!» Критика действительно достигает размаха там, где она намеревается представить эту безнадежную сомнительность запутавшейся психологии. «Борьба всех против всех неистовствует в ее краю, не менее горячая, чем на поле метафизики. Еще нигде на отдаленном горизонте не видно ничего, что было бы в состоянии положить конец этой борьбе», и никто не может сказать, «будет ли закончена эта борьба гипотез в объясняющей психологии и когда это может произойти».

Много ожидали от введения эксперимента и измерения. Объясняющая теория психического, видимо, стремилась достичь твердых оснований, необходимых для верификации своих гипотез, в экспериментально удостоверенных и количественно определенных отношениях. «Но в этом ключевом пункте обнаруживается противоположность тому, что ожидали энтузиасты экспериментального метода». В пограничных областях психической жизни оба эти «вспомогательные средства оказались столь же полезны для построения гипотез, как это имеет место и в случае познания природы. О центральной области психологии этого сказать нельзя». «К познанию законов во внутренней психической области эта попытка в конечном счете не привела». Здесь она оказалась очень полезной лишь для создания подробных *описаний*. Напротив, она до сих пор не оправдала тех надежд на поддержку дедукций и конструкций, которые возлагала на нее описательная психология.

Понимание этого, по Дильтею, в конце концов привело к полному банкротству и принципиальному распаду объясняющей психологии. Одни (Мюнстерберг) стремятся заменить законы связи, необъяснимые чисто психологически, равно как и связь отдельных психических содержаний, выявлением психологических промежуточных элементов, то есть стремятся перепрыгнуть в другую область там, где предполагаемое объяснение больше не подходит. Другие (Вундт) признают, что в духовной области имеется творческий синтез, то есть при взаимодействии психических элементов могут появляться связи с совершенно новыми свойствами, до того не свойственные этим элементам — связи, которые больше не могут быть очевидным образом выведены из своих причин или сконструированы (4–7, 27–30).

Объясняющая психология, таким образом, не учла этих двух отличительных особенностей своего предмета: непосредственную данность психической взаимосвязи во внутреннем опыте и необходимую недостоверность любых психологических гипотез.

В силу своих исторических отношений к конструирующему естествознанию XVII века она, так сказать, слепо действовала по аналогии с естественно-научной методологией. Неудивительно, что на этом ложном пути она не достигла, в отличие от своего образца, значительных результатов. Дильтей находит, что она ничего, собственно, не достигла или, скорее, имела прямо-таки вредные последствия в двух отношениях.

Во-первых, в своем стремлении к прозрачности и рациональности она была совершенно не способна отдать должное всему содержанию психической жизни. Ибо оно включает факты, «твердость которых до сих пор не был способен разложить ни один убедительный анализ». «Таковыми являются в пределах нашей жизни чувства и инстинктов — стремление к сохранению и расширению нашего „Я“ (*Selbst*), в пределах нашего познания — характер необходимости некоторых положений, а в области нашей волевой деятельности — долженствование или нормы, абсолютным образом возникающие в сознании». «Как... непротиворечиво показал Кант... в пределах данной действительности, если она должна быть очевидным образом предъявлена рассудку во всех своих элементах и своей общей взаимосвязи, также возникают противоречия, антиномии... Это объясняется прежде всего тем, что наше сознание мира, так же как и наше самосознание, возникает из жизненности нашего „Я“; она же больше, чем разум. Отсюда [из разума] выводятся понятия единства, тождества, субстанции, причинности. Другие антиномии имеют своим основанием то, что факты различного происхождения не могут быть сведены друг к другу. Исходя из этого выводится отношение постоянных пространственных, числовых величин и численных величин движения». В силу небольшого числа своих элементов и в силу своей конструктивной тенденции объясняющая психология отстает от всей огромной действительности психической жизни, она преподносит лишь искаженное содержание этой жизни (18 и 58).

С этим тесно связано второе: это имеет печальные последствия для остальных наук о духе. История, религиоведение, правоведение, государственная и политическая экономия и т. д. — все они имеют дело со своеобразными сторонами психической жизни. Но для своих особых целей они нуждаются прежде всего в знании *всеобщей* жизненной взаимосвязи человеческой души, ибо только исходя из нее могут быть поняты те спутанные образования, которыми они занимаются. Они нуждаются, таким образом, в психологии, которая даст им надежные, общезначимые основания для их собственных понятий и положений. Что могут они, ме-

жду тем, ожидать от такой науки, как объясняющая психология, которая, с одной стороны, совершенно не способна охватить все богатство человеческой природы и, с другой стороны, вращается в кругу спорных гипотез? Если они принимают столь ограниченные основные понятия, то впадают в заблуждение, как, например, правоведение с понятием детерминизма в уголовном праве. Если они принимают гипотетические конструкции, то оказываются вовлеченными в водоворот недоверности и скептицизма. Следствием является то, что в широких кругах представителей наук о духе обнаруживается тенденция полностью исключить психологические основоположения и решать свои задачи, опираясь лишь на двусмысленную и субъективную жизненную психологию. Этим, правда, делу не поможешь. Для того чтобы избежать Харибды дезориентации и недоверности, они попадают прямо в Сциллу пустынной эмпирии.

И даже более того, объясняющая психология представляет собой прямую опасность для наук о духе. В силу своего присоединения к физиологии посредством учения о психофизическом параллелизме она приобретает отпечаток «утонченного материализма». Очевидно, она вместе с тем ориентирована так, что дальнейшие толкования кажутся излишними. Дильтей, лишь намекая, добавляет при этом: «Все дальнейшее развитие показало, как разлагающе подействовал этот завуалированный материализм объясняющей психологии на политическую экономию, криминальное право, теорию государства» (7, 18, 25 и 53).

Итак, объясняющая психология в силу заблуждений своего метода совершенно не способна к решению обширных задач, которые требуются от психологии, призванной их решать. Как можно этому помочь? «От всех изложенных трудностей, — отвечает Дильтей, — нас может избавить только разработка науки, которую я, в отличие от объясняющей и конструктивной психологии, хочу назвать описательной и расчленяющей (анализирующей) психологией. Под описательной психологией я понимаю изложение (*Darstellung*) единообразно возникающих в любой развитой человеческой психической жизни элементов и целостностей, связанных единой взаимосвязью, которая не выдумывается и не выводится, а переживается». Чтобы отдать должное вышеизложенному сущностному своеобразию психических фактов, эта психология должна, таким образом, исходить из изначально данной взаимосвязи психической жизни, описывать и анализировать ее, но не дедуцировать из неких элементарных процессов. Она «должна следовать путем, обратным тому, которым пошли представи-

тели конструктивного метода». Другие требования к ней следуют из остальных разобранных выше недостатков — это безусловная достоверность и охват неискаженной психической жизни во всей ее полноте. «Полная действительность психической жизни должна быть изложена и по возможности проанализирована, и это описание и анализ должны иметь максимально достижимую степень достоверности». «Ее предмет должен образовывать развитый человек и совершенно полная психическая жизнь», а «любая привлеченная ей взаимосвязь <должна> быть однозначно верифицируема во внутреннем восприятии». Удовлетворяя этим требованиям, она сама соответствует предельным и наивысшим требованиям, а именно: предоставить средство для всеобщего познания взаимосвязей, лежащих в основании наук о духе (14 и 30).

Конкретный метод, которым пользуется эта описательная психология, излагается Дильтеем следующим образом. Он исходит из непосредственно данной взаимосвязи психической жизни. То, что попадает из нее в сознание, меняется. Но в то время как отдельные элементы меняются, мало-помалу со все большей ясностью проступает постоянно возвращающаяся форма их связи, способ, которым они связываются, и в конце концов в результате этого процесса достигается «с общезначимой достоверностью... сознание взаимосвязи всех этих элементов». В то же время мы становимся способны к изолированному извлечению единичного. Правда, отдельные процессы взаимосвязаны друг с другом и быстро перетекают друг в друга. Но мы все же способны до некоторой степени удержать их в восприятии и воспоминании, а также заметить их своеобразие. Схватывая всеобщие формы взаимосвязи путем *обобщения* и отдельные содержания путем изолирующей *абстракции*, мы одновременно познаем в них сходства, различия и их возможные степени. Тем самым мы, двигаясь вверх, индуцируя, достигаем общего представления о единообразности, а двигаясь вниз, анализируя, — отдельных элементов. Но поскольку постижение единичного возникает из переживания целого, оно остается с ним связанным. «Отдельный процесс поддерживается в переживании всей тотальностью психической жизни, а взаимосвязь, в которой он находится сам по себе и в связи с целым психической жизни, принадлежит непосредственному опыту». «Все психологическое мышление сохраняет ту основную черту, что постижение целого делает возможным и определяет интерпретацию единичного». «В основе любого анализа лежит живая тотальность сознания, взаимосвязь его функций, постижение (*Einsicht*) общезначимых форм и связей этой совокупности».

При этом описательная психология должна широко использовать все возможные вспомогательные средства, которые отвечают достижению ее целей. В частности, она должна пользоваться экспериментом как незаменимым средством «для достижения точного описания внутренних психических процессов»; кроме того, она постоянно должна привлекать сравнительную психологию, историю развития, анализ исторических продуктов духовной жизни и т. д. Одновременно она должна допускать также гипотетические дополнения к непосредственно наблюдаемому. Внутренний опыт, как признается Дильтей, иногда подводит, например «при повторном воспроизведении или в силу влияния актуальных процессов нашего сознания на совокупность психических элементов, извлеченную из нашего сознания». В подобных случаях, разумеется, требуются дополнительные заключения, которые простираются от данного также и к не-данному. Но достоверность целого не может тем самым пострадать. Эта психология должна также «подчинить описание и анализ протекания подобных процессов обширному каузальному членению целого, которое может быть констатировано исходя из внутреннего опыта». Гипотезы не вправе быть обязательными основоположениями и замуровываться в основание фундамента, но их ограниченное применение оправданно (2, 6, 19, 33–37, 41).

Пожалуй, до сих пор метод, которого требует Дильтей, сам по себе будет понятен и можно будет согласиться с вышеприведенной критикой. Но тот, кто попытается самостоятельно познакомиться с ним далее, будет, несомненно, обеспокоен той неясностью, которая появляется в дальнейшем ходе его изложения. Это касается отношения описательной психологии к объясняющей.

Дильтей вводит понятие своей науки, напоминающее как разделение рациональной и эмпирической психологии у Хр. Вольфа, так и сосуществование объясняющей и описательной психологии у Т. Вайтца. Однако последний нуждался в описательной психологии как в предварительной ступени объясняющей психологии. Описательная психология дает критически удостоверенный, внимательно наблюдаемый, определенным образом упорядоченный материал, с которым затем работает объясняющая психология, чтобы потом создать подлинную науку. Местами кажется, что Дильтей имеет в виду нечто подобное — дополнение описательной психологии объяснительной. «Для нее <объяснительной психологии> описательная предоставляла бы надежные дескриптивные леса, определенную терминологию, тщательный анализ и важное вспомогательное средство контроля в отношении ее гипотетических объяснений» (15). «Повсюду здесь, при анализе интеллигенции, обнаруживается

то, что мы определи в качестве всеобщего отношения: описательная и объясняющая психология смыкаются в конце анализа» (46). Описательная психология «может включить в себя гипотезы, к которым приходит объясняющая психология в отношении отдельных групп явлений; но благодаря тому, что она соизмеряет их с фактами и определяет степень правдоподобности, не используя их в качестве конструктивных моментов, принятие этих гипотез не вредит ее собственной общезначимости» (37). Описательная психология, по-видимому, не так уж плоха; она стремится не устранить объясняющую психологию, но предлагает себя стороннику этой последней лишь как весьма важное основание ее деятельности.

И все же это не совсем так; такой вывод противоречит той критике, которая с самого начала была направлена против объясняющей психологии. Объяснение и конструирование в психологии, утверждал Дильтей, основываются на игнорировании способа данности психических фактов. Взаимосвязь психической жизни, а также причинная взаимосвязь открываются здесь в непосредственном внутреннем опыте; не нужно и невозможно установить их посредством гипотетических конструкций. Даже переживаемое не непосредственно может и должно быть восполнено без подобного рода конструкций. Психологические гипотезы, говорились нам далее, опять же в силу своеобразия психических фактов никогда не могут быть окончательно верифицированы, и нигде на горизонте не виднеется ничего, что могло бы разрешить их безнадежную борьбу между собой. Если это так, то с объясняющей психологией покончено. Чем она вообще может соблазнить нас? Будучи продумана до конца, описательная психология в смысле Дильтея дает нам все, в чем мы нуждаемся: всю взаимосвязь психической жизни и вместе с тем полную достоверность непосредственных результатов; равно как и предположения, принимаемые для восполнения того, что не дано прямо, здесь полностью достоверны. То, что требует перехода к недостоверным и невозможным конструкциям объясняющей психологии, представляло бы собой в таком случае совершенно излишний аппендикс.

Очевидно, здесь имеется некоторая неясность. С одной стороны, описательная психология стремится к тому же, что и объясняющая психология, исходя, возможно, из некоторого ощущения, что к этому *следует* стремиться. Но, с другой стороны, выходит, что она стремится к чему-то другому — принципиально иному и лучшему. Как будет показано далее, эта неясность имеет далеко идущие негативные последствия. Пока же мы вкратце завершим наш обзор.

Изложенные до сих пор общие дискуссии образуют в общем объеме около половины работы Дильтея. Другая половина посвящена конкретным вопросам; она включает набросок содержания описательной и анализирующей психологии и три общих наброска ее главных разделов. Такое конкретное обсуждение предмета, собственно говоря, должно было бы стать главной темой, для того чтобы придать силу идеям Дильтея; оно должно было бы стоять в центре целого, а теоретические дискуссии присутствовать наряду с ним лишь в виде введения. Общие дискуссии о том, что могут и чего не могут методы, не дают ощутимых позитивных результатов. Там, где они стремятся преодолеть старое, они наталкиваются на сопротивление; там, где они предлагают новое, они вызывают сомнение. Даже читатели, которые вполне убеждены в слабостях и заблуждениях старых подходов, не смогут сразу оценить, будет ли теперь новое лучше оправдывать себя в схватке с неподатливыми фактами, и воздержатся от окончательного решения. Но достаточно одного неопровержимого, поистине нового и продвигающего вперед *результата* нового метода — и его дело сделано.

К сожалению, Дильтей вводит описательную психологию не так. С самого начала он хочет слишком многого. Вместо того чтобы путем тщательных описаний и блестящего анализа постичь отдельную трудную проблему в ее широте и глубине и обрести до того напрасно взыскуемую ясность в отношении своего метода, он сразу полностью преобразовывает пределы своей науки. Тем самым мы получаем слишком много рамок, но, к сожалению, очень мало связи. Вновь и вновь постоянно повторяются лишь внешние, наиболее общие соображения там, где ожидают, наконец, наглядных деталей, и, кроме того, повторяются намеки на исследования, которые здесь все еще ждут проведения, указания на материалы, которые еще должны быть с этого момента и для этого привлечены, и т. п. Хорошо удавшимися и стимулирующими являются вещи, которые стоят к предмету в менее тесной связи: литературно-исторические и философско-исторические перспективы. То, что собственно относится к психологии, напротив, нигде не обнаруживает ничего нового, что имело бы какое-либо значение. Местами (например, там, где говорится о развитии и индивидууме) даже вкрадывается потрясающая тривиальность, которая сразу не замечается посторонним в качестве таковой только потому, что все в целом облечено в тяжелый, скорее движущийся на ощупь и намекающий, чем просто излагающий, язык.

В частности, говорится, — если остановиться еще на одном моменте, — что описательная психология должна иметь две части:

общую и частную. Последняя занимается тремя большими, качественно разнородными «разделами психической жизни», а именно интеллигенцией (включая восприятия, представления и познание), жизнью инстинктов и чувств и волевыми поступками. Общая часть имеет дело, прежде всего, с описаниями и именованиями, чтобы выстроить непротиворечивую терминологию психологии, и рассматривает, далее, три важные всеобщие взаимосвязи, а именно: единство психической деятельности (*Betätigungen*), служащее получению удовлетворения и счастья (обозначаемое Дильтеем как структурная взаимосвязь); взаимосвязь развития психической жизни и, наконец, воздействие приобретенной психической взаимосвязи (обычно называемой неосознанным) на каждый отдельный сознательный акт (*Bewußtseinsakt*). Структурная взаимосвязь и развитие затем подробно рассматриваются в особой части. Об отношении сознательной психической жизни к неосознанной мы получаем некоторое разъяснение лишь мимоходом; вместо дальнейшей разработки этого отношения заключением всей работы является часть, посвященная сущности и значению индивидуальности, которую нельзя обрисовать общей схемой. Она решительно выпадает из остального; наиболее важным из этих конкретных изложений являются обе части, посвященные структурной взаимосвязи и развитию, каждая из которых занимает около дюжины страниц.

Разнородные психические процессы, как мы себя в них испытываем, процессы представления, ощущения, воления, которые каким-либо образом во всякое время наполняют сознание, не просто находятся друг подле друга, но образуют целое. «Связь инстинктов и чувств (*Trieben und Gefühlen*), которая есть центр нашей психической структуры», и вызываемые извне восприятия и представления, к каковым присоединяются — в силу их указанного центрального характера — чувства, вызывают воления и поступки, направленные на удовлетворение инстинктов, на достижение (*Erreichen*) и удержание (*Erhalten*) удовольствия, на удовлетворение жизни (*Lebenserfüllung*) и расширение существования (*Steigerung des Daseins*). Будучи рассмотрен изнутри, индивидуум со всей его психической деятельностью образует именно единство, служащее одной большой цели; рассмотренный же снаружи организм представляется целесообразной организацией (*Veranstaltung*) для сохранения себя самого и рода. В то время как психический индивидуум обретается во времени, каждая из имеющихся в нем целевых взаимосвязей подвергается влиянию телесного развития, физической и духовной среды. Из этого воздействия про-

истекает развитие души. Так как понуждающий (*treibende*) принцип в ней [душе] есть единая структурная взаимосвязь, то и сама она едина и целесообразна; ее сущностными особенностями являются все более совершенное приспособление индивидуума к его условиям жизни и возрастающая дифференциация (первое достигается благодаря второму). При этом протекает ряд фаз — юность, зрелость и т. д. В своей целостности они образуют последовательность все более полной реализации единой цели; тем не менее каждая фаза несет в себе свою собственную ценность и не может рассматриваться лишь как предварительная ступень или средство более поздней фазы.

Все это утверждает Дильтей. Теперь я обращаюсь к некоторым критическим соображениям.

Очевидно, что первая форма научной психологии, так называемая ассоциативная психология, не явилась на свет сразу во всем желанном совершенстве, но страдала определенными фундаментальными недостатками. Можно свести их к двум корням: она слишком переоценивала свои силы в отношении того, что касалось теоретического осмысления психических фактов, и она слишком доверяла физико-химическим аналогиям. Оба эти недостатка понятны. Прогресс, который она совершила по отношению к значимому в прошлом — в отношении бесчестных демонстративных доказательств, стерильных дистинкций и ребяческого антропологизма психологического рассмотрения вообще, — был столь огромен, что могло показаться, будто ничто не может устоять перед всепобеждающей силой новых принципов, которые во многих случаях применялись столь успешно. Но, с другой стороны, где еще она могла бы конкретно видеть метод подлинной и плодотворной науки, как не на примере физики и химии, когда достойная упоминания биология еще не сформировалась? И все же, по более или менее понятным причинам, недостатки налицо. Они состоят не в виде исключения, но сущностно в недостаточном признании своеобразных единств или целостностей, если позволительно это выражение, в которые, по-видимому, объединено и соединено различимое множество в пределах психической жизни.

Сознание аккорда иное, чем сознание двух тонов. Разумеется, оно содержит в себе оба тона, но не только их, оно содержит в себе также нечто сверх того, а именно сознание целого, части которого эти тона образуют. Впечатление различия двух цветов состоит

не только в сосуществовании (*Nebeneinandersein*) этих ощущений цвета. Я могу при соответствующих обстоятельствах с полной ясностью видеть два цвета, совершенно не осознавая их различие. Но там, где имеет место также и это, имеется еще нечто большее, своеобразное обобщение этих двух цветов в некоторое целое, в случае которого их самостоятельность тем не менее не устраняется. Это единства, так сказать, наименьшего объема; сюда входят созерцания пространства, времени, движения и прочего.

Над ними возвышаются более обширные единства, которые я миную, как, например, единство смысла предложения, который я осознаю через множество следующих друг за другом слов, или знаменитое единство «Я» и единство сознания.

И наконец, можно говорить о всеохватывающем единстве психической жизни, которое как таковое хотя и не создается, но к которому все же можно достоверно заключить как к объективно наличному. Это есть единство цели, которой служит весь психический процесс со всеми его отдельными образованиями и побуждениями (это и есть упомянутое единство структуры у Дильтея): сохранение и деятельность всего духовного своеобразия, осуществление и присвоение того, что ему подходит, отстранение и избежание того, что ему враждебно.

Если бы ассоциативная психология ориентировалась на биологические аналогии, то ее видение этих вещей было бы более утонченным. Ибо в живом организме все обстоит совершенно аналогично. Мускул состоит из множества волокон. Но это не просто множество этих волокон, которые его характеризуют, но одновременно и форма, порядок, который их содержит, и, несмотря на их множество, он есть единое образование. Жизнь организма состоит из множества процессов: обменных, дыхательных, секреторных и т. д. Но они не просто протекают друг подле друга, как, например, языки пламени в очаге, водопровод и газ на кухне, но в каждый момент они непрерывно сцепляются друг с другом, любое событие в одной сфере как-нибудь отзывается во всех других, они образуют внутренне связанное целое, несмотря, опять же, на их множество. Наконец, и здесь мы имеем всеохватывающее единство высшей цели: сохранение индивидуальной жизни и сохранение вида; это, очевидно, предельная цель, которой подчинены все органы и вся игра их функций.

Однако же эта ассоциативная психология руководствовалась не биологическими, но физико-химическими воззрениями. Агрегат и химическая связь были поэтому ближайшими категориями, которыми она оперировала в отношении психических целост-

ностей (*Einheitsbildungen*) и которыми она их подчиняла, берясь за конструирование с полной уверенностью в своих возможностях. Поэтому ассоциацию мускульных ощущений с цветовыми и тактильными впечатлениями она превращала в пространственный образ; восприятие различия она попросту отождествляла с одновременностью различных ощущений; «Я» было для нее связкой представлений и чувств и ничем более. Нет никакого сомнения, что тем самым над фактами в той или иной мере совершалось насилие.

Истоки полемической позиции Дильтея находятся в живом чувстве этого насилия над психическими единствами и в реакции против него; таким образом, в целом это совершенно правомерный порыв. Правда, несколько запоздавший, если принять во внимание современное состояние психологии. Ибо среди тех, кто обстоятельно занимается психологией, кто мог бы все еще находиться в неведении относительно недостатков ассоциативной психологии? Даже если отвлечься от той глубокой по своим последствиям революции, которая произошла после введения эксперимента и измерения, то и в этом случае развитие психологии за последние 40–50 лет состояло, по существу, в работе над преодолением этих недостатков. В защите упомянутых единств низшего порядка и состояла сущность различных нативистических теорий. Они показывают, что такие вещи, как пространственная протяженность, временная длительность, движение, различие, число, — все это не ассоциативные агрегаты, не вид химической связи, но своеобразные, в своей примитивной форме изначально психические содержания, которые хотя и могут включать в себя и объединять многие другие содержания, но, несмотря на это, не составлены из них. Энергетическое своеобразие (*Hervorhebung*) наиболее обширного единства, единства цели, заключающегося в фундаментальном значении воли, есть основная мысль Шопенгауэра, имеющая для психологии существенное значение. Та же самая мысль, в биологическом одеянии, представлена у Г. Спенсера; в последнее время она составляет здоровое и подлинное ядро теории апперцепции Вундта, содержащееся в ряде беспомощных частных исследований. При этом единства, если можно так выразиться, среднего уровня — единство «Я», единство сознания — никогда полностью не затмевались теорией связки, господствующей в ассоциативной психологии, так как в них всегда нуждались для известных заключений к истинно субстанциальной и простой душе.

Скажут, что это движение за признание психических единств в прежних рамках ассоциативной психологии еще никоим обра-

зом не окончено. Завершенным оно, конечно, не является. Один склоняется больше к нативизму, другой — к эмпирическим воззрениям; даже у одного и того же исследователя одно может иметь место в одном отношении, другое — в другом. У Вундта, например, наряду с процессом апперцепции, который здесь никоим образом не должен быть результатом ассоциаций, но коренится в последнем основании сознания, еще влачат существование воззрения Т. Брауна и происходящие от обоих Миллей категории химической связи. Но неоконченное есть все же нечто совершенно иное, чем еще не начатое. А у Дильтея это выглядит так, как будто такая работа еще и не начиналась или же, самое большее, началась в самое последнее время. Зигварта и Джеймса, от которых он сам в действительности очень сильно зависит, он называет — наряду с собой — поборниками подобных воззрений. Но в целом посторонний должен получить впечатление, что речь здесь идет не о давно известных и взвешенных вещах, но о совершенно новых взглядах и разъяснениях, благодаря которым теперь сразу начнется обращение психологии. Это первый упрек, который я должен сделать сочинению Дильтея: он совершенно не обращает внимания на ту работу, которая уже давно совершается в психологии *именно в том направлении, в котором стремится двигаться и он сам*; и поэтому он дает совершенно неадекватную картину психологии современности, которой он хочет указать дорогу.

Более важное значение имеет, однако, второй пункт. Столь же *неадекватное представление* как об объясняющей психологии современности дает Дильтея о прошлом *ее действительно состояния в какой-либо момент времени*. Он называет в качестве ее представителей, что справедливо, большое число людей — немцев, англичан, французов. Поэтому следовало бы ожидать, что в той характеристике, которую он дает намерениям этих людей, он всем им в некоторой степени равным образом отдаст должное; что он, следовательно, либо уделит внимание всем общим чертам их деятельности, либо, если он нашел применение некоторым особенностям только одного из них, отдаст должное принципиальным отличиям других соразмерно их значению и после этого вынесет суждение как в отношении одних, так и в отношении других. Между тем ничего такого не происходит, но в то время как постоянно говорится об «этой» объясняющей психологии как о совершенно однородном явлении, для ее ближайшей характеристики использу-

ются признаки, которые по большей части соответствуют в некоторой степени лишь одному-единственному ее представителю, а именно Гербарту. На ассоциативную психологию в узком смысле, постоянно существующую наряду с этим, падает тем самым совершенно искаженный свет, потому что если, в соответствии со всей манерой изложения, данная характеристика должна быть отнесена к этой ассоциативной психологии, то у нее обнаруживаются особенности, которыми она вовсе не обладает, в то время как другие, которые для нее очень важны, неподобающим образом уходят в тень. Герbart, конечно, приобрел значение в пределах Германии. Но его метафизическая изощренность, его необоснованные фикции, его мифологемы всегда служили ему преградой для выхода за ее пределы. Английская ассоциативная психология, напротив, приобрела интернациональный характер. Более того, если обозреть живую психологическую исследовательскую работу современности во всей широте и объеме, то обнаружится, что она ни от кого не была дальше умственно отдалена так, как именно от Гербарта. Из всех его специфических особенностей современная психология больше ничего не желает знать; его помнят лишь постольку, поскольку в одном отношении он стремился к тому же, к чему и ассоциативная психология, а в другом — поскольку его концепция может быть модифицирована так, чтобы быть включенной в ее состав. Выхватывать из прошлого психологии именно Гербарта для того, чтобы сказать нечто о ее актуальном состоянии, по-видимому, не совсем уместно. Но если уж это происходит, то во всяком случае следует быть внимательным к тому, чтобы те черты образа, которые относятся только к Гербарту, относились бы только к нему. Иначе это изложение будет вводить в заблуждение того, кто менее осведомлен в этом вопросе, и критика, которая в нем представлена, станет несправедливой. И то и другое я должен утверждать о работе Дильтея.

Везде, где Дильтей подробно характеризует объясняющую психологию, он называет в качестве существенного признака то, что она стремится вывести психическую жизнь из «ограниченного числа элементов». Я не знаю, кто из представителей ассоциативной психологии связал бы себе руки столь неразумным образом. Они стремятся свести данную действительность психической жизни к конечным в своей различимости формированиям (*Gebilde*) и простейшим процессам, господствующим в них. Но ограничено ли число этих элементов или нет, должно ли оно быть большим или малым — на этот счет они не дают себе никаких предписаний. Разрешение этого вопроса следует оставить за фактами и прин-

ципиально подчиниться заключающейся в них необходимости — вот единственно возможная редукция, но совершаемая *without doing violence to facts*, как выразительно заметил младший Милль. Они действуют так, как если бы они прочли работу Дильтея, ибо и в ней также указано: «В этом анализе (*Zergliederung*) следует идти настолько далеко, насколько это возможно» (19). Подходя таким образом к рассмотрению фактов, они, правда, обнаружили, что в целом не требуется признавать наличие столь огромного числа предельных элементов и фундаментальных процессов, как то, пожалуй, можно было бы предположить по необъятному изобилию развитой психической жизни. Поэтому когда им удастся редукция принципов, они радуются этому так же, как в любой другой науке, равно как и в любой науке о духе. Но особой робости перед ограничением числа этих принципов они не обнаруживают. Местами они довольно значительно — по сравнению с традицией — увеличили их число. Например, анализируя сложный комплекс пятого чувства [осязания], они выделили множество элементов в своем понимании, как то: ощущение давления, ощущение температуры, мускульные ощущения и многочисленные виды ощущений органов. И можно утверждать следующее: если необходимость фактов привела бы к тому, чтобы ввести в десять или в сто раз большее число предельных элементов, чем их теперь, по-видимому, действительно требуется, то в их науке ничего бы *принципиально* не изменилось, разве что более запутало и затруднило понимание их общей идеи.

В целом можно сказать следующее: искаженный характер и дезориентирующее воздействие сведений Дильтея состоит в том, что в характеристику, *которая затрагивает намерение людей в целом*, включается черта, которая никак не соотносится с их намерениями, но является чисто внешним эффектом их стремления, и, напротив, совершенно верные мысли, проведение которых и ведет к [желаемому] эффекту, полностью игнорируются. Если поставить все на место, то часть дильтеевской критики сразу обесценивается. Дильтей сожалеет о том, что объясняющая психология, разумеется из-за ограниченного числа своих элементов, не может отдать должное всему объему психической жизни, что она оставляет без внимания факты, «твердость которых до сих пор не был способен разложить ни один убедительный анализ». Среди других недостатков также и этот должен быть исправлен благодаря разработке его описательной психологии. Ответ на это прост. Как только подобные факты обнаруживаются с достаточной достоверностью, как только приводится доказательство того, что их до сих пор ошибочно упу-

скали из виду или ошибочно считали производными от других, так они сразу, в соответствии с подлинной идеей ассоциативной психологии, становятся ее элементами или фундаментальными фактами. Новой науки, которую еще только предстоит разработать, для этого не требуется, эта наука уже существует; старая наука стремится к тому же, к чему, согласно Дильтею, стремится и новая. К какому-нибудь ограниченному числу своих принципов она никоим образом не прикована. То, что утверждают нативистические теории в отношении созерцания пространства и времени, в отношении движения, целокупности и т. д., несомненно, находит место в ее пределах. Мне представляется чрезвычайно сомнительным, что нашлись бы психологи, которые, так же как и Дильтей, считали бы «характер необходимости некоторых положений, а в области нашей волевой деятельности — долженствование или нормы, абсолютным образом возникающие в сознании», чем-то нередуцируемым. Но даже если бы это было так, то для объясняющей психологии из этого не вытекало бы никаких трудностей.

Другое искажение образа ассоциативной психологии я усматриваю в следующем. Откуда берут представители объясняющей психологии, в соответствии со своим намерением, те принципы, с помощью которых они стремятся охватить всю психическую жизнь? Характеристики, которые приводит Дильтей в одних случаях, ничего об этом не говорят, тогда как в других случаях из них следует, что эти элементы покоятся на чисто гипотетических предположениях или же на гипотетических умозаключениях. «Описательная и расчленяющая психология заканчивает гипотезами, в то время как объясняющая с них начинается» (37). «Таким образом, в объясняющую психологию снова входят дедуктивно определенные элементы объяснения» (23). В двух же других местах (20 и 21), что я особенно подчеркиваю, о представителях ассоциативной психологии утверждается нечто верное, но, к сожалению, только вскользь. Однако автору приличествовало бы сказать об этом не мимоходом, но в первую очередь, ибо это характеризует представителей ассоциативной психологии точно так же, как их тенденция объяснять и схватывать. Они получают свои принципы из наблюдения непосредственно данной действительности, стремясь, с одной стороны, путем ее анализа достигнуть предельно различных элементов и, с другой стороны, путем индукции постигнуть всеобщие правила их взаимосвязи. Другими словами, они поступают точно так же, как того требует Дильтей для описательной психологии, которая учреждается в противоположность им: они проводят наблюдение, анализ, индукцию.

Психология старшего Милля называется *Analysis of the Phenomena of the Human Mind*, и можно допустить, что автор определил в названии то, что кажется ему существенным в его работе. Его непосредственный предшественник, Т. Браун, говорит: «The science of mind is in its most important respects a science of analysis or of a process which I have said to be virtually the same as analysis: and it is only as it is in this virtual sense analytical that any discovery, at least any important discovery, can be expected to be made in it». Объясняющей части психологии Спенсера предшествует раздел *The Induction of Psychology*. Он невелик в сравнении с объемом всей работы, но не потому, что автор недооценивает его значения в этом вопросе, но потому, что здесь для его нынешних целей не требуется большая подробность. Он стремится показать сферу применения принципов, полученных путем наблюдения и обобщения, в одном определенном направлении; для этого достаточно лишь вкратце указать результат своих анализов и индукций. С биологической точки зрения, которой он руководствуется, дела обстоят точно так же. Возможно, лежащие в основании наблюдения во многих случаях неверны, возможно, дальнейшее применение этих принципов дает повод к сомнению — речь сейчас не об этом, а о ведущих идеях метода. Но они повсюду согласуются с тем, что считает правильным Дильтей. Только в отношении Гербарта и его ближайших последователей Дильтей находится в действительной и принципиальной оппозиции. Здесь и только здесь мы имеем, по крайней мере отчасти, гипотетические фикции элементов и дедуктивные умозаключения из метафизических предпосылок.

Стоит лишь принять во внимание ассоциативную психологию, которую Дильтей постоянно отождествляет с объясняющей психологией, как мы приходим здесь к тому же результату. Определенные, фактически имеющиеся недостатки прежней психологии Дильтей сводит к предрассудкам и ошибочным методам. Чтобы устранить их, он требует чего-то такого, что пока лишь предположительно намечено, но еще не реализовано, что имеет характер реформы науки. Но то, что он сам указывает в качестве содержания и метода науки, которую предстоит построить, полностью входит — в соответствии с замыслом ее представителей — в рамки осуждаемой науки и образует принципы ее собственного подхода. Они стремятся к большему, чем то склонен допускать Дильтей, о чем сейчас пойдет речь, но сначала они хотят того же, что и он. При реализации этого своего стремления они поначалу в чем-то ошиблись. Но не потому, что они совершенно заблуждались в методологическом отношении, как то представляет Дильтей, но по-

тому, что обладание правильной общей точкой зрения и знание правильного общего метода здесь, так же как и в любом другом случае, еще не гарантирует получение истинных результатов. Для исправления их заблуждений не требуется принципиальных реформ или всеобщих планов реформ, но лишь простое продолжение работы на той здоровой почве, на которой они стоят.

Третье замечание, которое я должен сделать, касается понятия причинности, которое Дильтей приписывает объясняющей психологии. К конструктивным элементам, с которыми он позволяет ей оперировать, относится и «причинная взаимосвязь психических процессов по принципу: *causa aequat effectum*» (20). Что под этим следует понимать, выясняется из двух других мест. В одном месте (57) он замечает, что познание природы стало наукой, «когда в области процессов движения было установлено равенство (*Gleichungen*) между причинами и следствиями». В ходе дальнейшего изложения также часто говорится о каузальном *равенстве*. В другом месте (75) он резюмирует свое собственное изложение психической взаимосвязи: ее элементы связаны друг с другом так, «что ни один не следует из другого по закону количественного и качественного соответствия причины и следствия. В представлениях нет достаточного основания для перехода к чувствам... в чувствах нет достаточного основания для превращения в волевые процессы». По-видимому, Дильтей считает, что те, кто занимается объясняющей психологией, рассматривали вещи, которые они связывали с друг с другом как причины и следствия, как *количественно и качественно равные (Gleiches)*, они полагали, что можно показать, как следствие *по своим качествам* есть, собственно говоря, не что иное, как причина, и как оно, измеренное соответствующей единицей, полностью согласуется со следствием и *по величине*, и тем самым в происхождении следствия из его причины они не находят более ничего удивительного, но совершенно понятный и прозрачный процесс. Это представление хорошо знакомо каждому из физики: это есть гипотеза механической конструируемости всех процессов внешнего мира. Обычно человек видит, как теплота превращается в движение поршня; качественно своеобразное движение превращается, метаморфизуется на его глазах в качественно совершенно иное движение. Обе формы движения он может нумерически определить в любых единицах, которые отвечают их своеобразию; возможно, поступая таким образом, он обнаружит численную эквивалентность, которой подчинены эти превращения. Но поскольку оба элемента этого процесса не содержат в себе ничего, что поддавалось бы сравне-

нию, то между этими эквивалентными числами отсутствует всякая *доступная для понимания* взаимосвязь. Здесь ему на помощь придет физик. Теплота в действительности представляет собой не что иное, как движение мельчайших частиц, которые по таким-то и таким-то основаниям невидимы. Таким образом, мы имеем дело не с качественной метаморфозой, но лишь с переходом от одного порядка частиц к другому, не с загадкой, но с относительно понятным процессом. И если мы теперь единой мерой измерим то, что качественно равно друг другу и определяет энергетическое содержание в том и другом случае, то обнаружим полное равенство численно эквивалентных превращений.

Такого рода представление об отношении причин и следствий должно, по мнению Дильтея, владеть умами и представителей объясняющей психологии. Пожалуй, для Гербарта это в действительности так. Не эксплицитно, но имплицитно такие мысли можно обнаружить в основании его статике и механике духа. Но, отвлекаясь от этого чисто фиктивного комплекса формул и равенств, — который, попутно заметим, давно отошел в прошлое и погребен, к которому, кроме того, преимущественно отрицательно относились и сами гербартианцы, — отвлекаясь от этого единственного исключения, я напрасно задаюсь вопросом, к кому могло бы быть отнесено дильтеевское утверждение; в отношении представителей ассоциативной психологии оно полностью повисает в воздухе. Ход мысли, из которого это утверждение исходит, предположительно следующий: научность физики покоится на представлении о многократно упомянутом количественном и качественном равенстве причин и следствий, объясняющая психология следует физическому идеалу научности, следовательно, она должна разделять это представление. Именно первое положение этой аргументации неверно. Естествоиспытатели, возможно, в своем большинстве разделяют гипотезу механической объяснимости внешнего мира, но научность их деятельности не берет начало из этого представления, она совершенно независима от него. Здесь следует вспомнить сочинения Э. Маха, который неустанно проводит эту мысль. Механическое объяснение вещей не является *необходимым* элементом подлинного и поистине научного исследования, но в том случае, если оно удалось, оно представляет собой, так сказать, *opus supererogationis*. Но что бы там ни было с физикой, психологи никоим образом не притязают на подобное сверхъестественное деяние. Для того чтобы заметить это, достаточно вспомнить закон ассоциации. Совместность двух ощущений он рассматривает как причину того, что позднее повторное появление

одного ощущения вызывает представление другого. Но здесь ничего не утверждается о том, что следствие содержится в причине, или же о количественном соответствии того и другого. Более того, как бы мы ни рассматривали данный процесс, едва ли можно понять, что могло бы иметь в виду подобное утверждение. Вероятно, позднее обнаружится возможность прояснить эти мысли. Тогда придет время критически осветить их основания и их плодотворность. Но пока следует назвать несправедливым осуждение психологии за неудачу в выполнении того, что ей не приходило в голову выполнять, и ставить в упрек ей как якобы новый взгляд ту тривиальную вещь, что в чувствах мы не находим достаточного основания для их превращения в волевые процессы.

IV

Теперь перейдем к подлинному ядру аргументации Дильтея. Гербартианцы и представители ассоциативной психологии согласны во всяком случае с тем, что с помощью каким-либо образом полученных принципов он стремится достичь еще чего-то большего. Остальную психическую жизнь, в той мере, в какой она, по-видимому, не есть нечто последнее и изначальное, они стремятся по возможности постичь как то, что законосообразно осуществляется и законосообразно взаимосвязано, — они хотят ее объяснить.

Отчего они к этому стремятся, не нуждается в подробном пояснении: чтобы удовлетворить определенные настойчивые потребности нашего мышления, популярно говоря, нашу потребность в причинном объяснении. И против этого, как мы видели, протестует Дильтей. Объясняющая психология не видит своеобразия психического материала. В нем взаимосвязь, а также причинная взаимосвязь есть нечто изначальное данное, поэтому она не требует установления посредством объяснения. И даже некоторые пробелы в том, что дано, должны быть заполнены не путем объяснений и конструирования, но иным образом.

В этих пробелах и их заполнении коренится ядро вопроса, поэтому ими мы и должны заняться поближе. В общих рассуждениях дильтеевской работы они хотя и многократно упоминаются, как можно видеть и из нашего изложения, но в целом остаются все же на заднем плане. Особое значение придается тому, что взаимосвязь психической жизни есть нечто изначальное, и кажется, что будто бы задача психологии, в сущности, может быть разрешена с помощью описания и анализа этого *непосредствен-*

но данного. Но в конкретных пробных рассуждениях, приведенных в конце работы, все происходит почти наоборот. Описание и анализ непосредственно данного являются лишь прелюдией, и все силы автора концентрируются затем на различных попытках осветить то, что не дано прямо. При обращении к конкретной разработке именно эта проблема предъявляет свои права. Ибо, очевидно, дела обстоят следующим образом: взаимосвязи и единства, конечно, различным образом изначально даны в пределах психической жизни, чрезвычайно важно правильно и отчетливо познать их согласно их собственному своеобразию, как и все другие предельные данные сознания. Но наиболее обширные и важные взаимосвязи, которые мы по определенным основаниям считаем действующими причинами (*wirksam*) в психической жизни, не обнаруживаются прямо перед нами как последние факты, но лишь устанавливаются нами.

В какой взаимосвязи находится неожиданно всплывающая у меня мысль, предпринять ли сегодня после обеда прогулку на лодке, с другими мыслями, восприятиями и т. д.? Почему мне приходит в голову именно *такая* мысль? Почему именно сейчас? Едва ли я могу указать это даже при наиболее добросовестном анализе состояния моего сознания, тем не менее я полностью убежден, что это стремление возникает не из ничего, а из строго определенной *взаимосвязи причин*. *Взаимосвязь развития* духовной жизни от детства к зрелости относится сюда же, как и уже ранее затронутая *единая телеологическая взаимосвязь* (*Zusammenhang eines einheitlichen Zweckes*), которая всеобъемлюще владеет всей духовной жизнью. Во многих частях своей работы Дельтей, как мы видим, обращается к этим трем обширным взаимосвязям. Спрашивается, как ему удастся все же что-то сказать об этих взаимосвязях, которые никоим образом не даны прямо, следовательно, не могут быть просто описаны и проанализированы.

Здесь характерно следующее место (66 и 67). Речь идет о том, чтобы разъяснить указанную телеологическую взаимосвязь психической жизни — то единство, которое ставит всякое мышление и стремление на службу получения все большего удовлетворения (*Befriedigung*). «Задача необычайной трудности. Ибо именно то, что устанавливает связь между этими двумя элементами и впервые раскрывает их жизненную ценность, образует наиболее темную часть всей психологии. <...> Сама жизнь лишь малопомалу позволяет нам в некоторой степени отгадывать, какими силами она неудержимо влекома вперед». Затем начинается разрешение этой задачи: «Через все формы животного существова-

ния проходит отношение между раздражением и движением. Благодаря ему осуществляется приспособление животного существа к его среде. Я вижу, как ящерица пробирается вдоль освещенной солнцем стены и, наконец, расправляет свои члены на наиболее ярко освещенном месте; шорох с моей стороны — и она исчезает. Эта игра вызвана в ней воздействием света и тепла. Восприятие, которое указывает на некоторую опасность, прерывает эту игру. С необычайной быстротой инстинкт самосохранения беззащитного создания реагирует здесь на восприятие целесообразными движениями, основанными на механизме рефлекса. Впечатление, реакция и механизм рефлекса, таким образом, целесообразно взаимосвязаны». Но эта связь, заключается далее, возможна только тогда, когда восприятия, вызванные раздражением, воспринимаются одновременно как нечто, имеющее психическую ценность (*Wertvollens*), когда это обнаруживается в чувствах, которые с ними связаны. Всякий раз достижение такого рода ценности, достижение удовольствия, есть именно то, «что связывает игру наших восприятий и мыслей с нашими произвольными поступками в структурную взаимосвязь».

Что обнаруживается в этом подходе? Описательная психология где-то по определенным основаниям догадывается о взаимосвязи. Прямо эта взаимосвязь не дана, она может быть в некоторой мере «угадана». Для того чтобы гадать правильно, описательная психология ориентируется на животное, на ящерицу. Разумеется, то, что здесь можно увидеть, прямо не является психическим; факты, которые обнаруживаются при наблюдении за животным, суть комбинации движений, ничего более. Между тем эти движения можно интерпретировать. В другом месте я имел опыт (а именно свой собственный опыт), который показывает, что подобные движения, которые сейчас демонстрирует ящерица, связаны с определенными впечатлениями, чувствами, стремлениями. То, что реально пережито где-то еще, я мысленно переношу теперь на ящерицу, я предполагаю, что у нее это происходит аналогичным образом. Я выполняю это перенесение не как попало и произвольно, словно бы я мог его и не совершать, но оно навязывается мне, я едва ли мог бы избежать его; и все же его правильность нельзя с абсолютной достоверностью констатировать через непосредственный опыт, это остается лишь правдоподобным предположением. Но благодаря этой моей операции психическая жизнь, которую я примысливаю ящерице, приобретает взаимосвязь. Ибо эти доступные непосредственному внешнему наблюдению движения при пристальном всматривании обнаруживают, по-видимому,

то, что я, *опять же из своего собственного опыта*, признаю целесообразным; вся совокупность их осуществления, очевидно, приспособлена для достижения определенного результата. Но то, что относится к ним, разумеется, сразу переносится и на психическую реальность, которую я мыслил с ними связанной; и она должна служить единой цели. Но психическая целесообразность, что я опять же знаю из своих непосредственных переживаний, состоит в получении удовольствия в самом широком смысле. И тем самым я, конечно, нахожу искомую взаимосвязь между впечатлениями и волевыми актами: они в целом служат единой цели, которая состоит здесь в достижении наибольшего возможного удовлетворения. Ибо то, что я поначалу обнаруживаю у ящерицы, не может ограничиваться только этим; это сразу же переносится на все психические существа (*Seelen*), к числу которых принадлежу и я сам. Такая прямо не воспринимаемая глубинная взаимосвязь всей психической деятельности, как я принужден предположить, здесь присутствует точно так же, как и там, где она была мной правдоподобно установлена.

Благодаря некоторому числу более или менее предположительных и более или менее напрашивающихся переносов содержания и отношений, которые непосредственно и действительно переживаются в определенные моменты психической жизни, туда, где они не переживаются, описательная психология достигает заполнения этих важных пробелов данности. И каким образом можно оценить правильность этого метода? Против него ничего нельзя возразить — все находится в наилучшем порядке. Так в действительности следует начинать для того, чтобы объяснить взаимосвязи, которые не даны. И взаимосвязь некоторой мысли с ее ближайшими причинами, остающимися неосознанными, и развитие психической жизни могут быть разгаданы только таким образом — путем приписывающего переноса того, что пережито где-то еще.

Я лишь с большим удивлением спрашиваю, чем в принципе, отличается тогда этот метод от метода объясняющей психологии или же, для того чтобы вновь вывести из игры Гербарта, от метода представителей ассоциативной психологии? Они стремятся к тому же, и поэтому они точно так же и действуют. Их своеобразное объяснение, в сущности, состоит в дополнении пробелов опыта с помощью того и по аналогии с тем, что заимствовано из данной где-то в ином месте действительности, а также в том, чтобы сделать понятным загадочные особенности данности, обычно имеющей пробелы, посредством уже известных особен-

ностей того, что служит дополнением. «Объясняют» ли они объемное зрение (*Tiefensehen*), или постепенное осуществление целесообразного стремления, или обучение языку детей — именно это всегда остается всеобщей характеристикой их деятельности. Стремясь к такому объяснению, они действуют, как подчеркивает Дильтей, так же, как физика или химия. Но не только так, как они, но и так, как действует вообще всякая наука, за исключением математики, и так же, как любая наука о духе. Если историк объясняет фактически отданное распоряжение Наполеона мотивами, о которых ничего не сообщается в его источниках, но которые, как ему известно из его остального опыта, имеют место у королей и полководцев, он продельывает принципиально то же самое, к чему стремится и психолог.

В своих общих рассуждениях Дильтей отрицает возможность такого рода деятельности за психологией (56): «Сознание не может обойти самое себя. <...> Если же оно [мышление] попытается сконструировать позади этой предельной данной нам действительности рациональную взаимосвязь, то она может быть составлена только из тех фрагментов содержания, которые имеют место в этой действительности». Между тем подобная конструкция, утверждается далее, устраняет живую действительность психической жизни. Но когда тот же самый Дильтей приступает к конкретному изложению вещей, он делает фактически то же самое, против чего он до этого боролся: он без колебаний обращает сознание на самое себя и конструирует из фрагментов содержания, которые заимствованы из действительности, взаимосвязь, которая, следует признать, как таковая не входит в эту действительность, которая может быть лишь «угадана». Не чужда ему и упомянутая мысль сделать постижимым непосредственно данное с помощью того, что дополнительно конструируется, например способствовать более глубокому пониманию психической жизни посредством проникновения в структурную взаимосвязь. Тем самым он фактически поступает так же, как и представители объясняющей психологии.

То, что эта связь не осознается Дильтеем и он полагает, что занимается чем-то совершенно иным, связано, насколько я понимаю, с двумя обстоятельствами. Одно состоит в том, что, как было упомянуто выше, полемика, в основном относящаяся к Гербарту, сразу обобщается. Дильтей отдает себе отчет в том, что действует иначе, чем Гербарт. Он заимствует фрагменты содержания, с помощью которых устанавливает искомую взаимосвязь, или, выражаясь иначе, средства объяснения, не из метафизических посту-

латов и фиктивных гипотез, а из непосредственного опыта. Эта противоположность обобщается им, и он полагает, что действует иначе, чем объясняющая психология вообще, в то время как он совершенно не противостоит представителям ассоциативной психологии. К этому присоединяется и другое заблуждение: Дильтей не различает достаточно строго фрагменты содержания, заимствованные из действительности, и взаимосвязь, достигнутую исключительно путем гипотетического перенесения (средства объяснения и предмет объяснения). Там, где он подходит к своей проблеме дополнения, он всегда отчетливо говорит, что здесь отсутствует непосредственный опыт, отсутствует прямое переживание; мы слышали, как убедительно он описывает трудности проявления темной телеологической взаимосвязи психической жизни. Предлагая, в свою очередь, дополнение, он настойчиво, и по праву, подчеркивает, что все используемые при этом понятия, процессы и т. д. извлечены из живого внутреннего опыта. Затем он одним прыжком, как будто бы это было легитимным достижением именно этого подчеркивания, переходит к утверждению, что и обнаруженная взаимосвязь есть живой опыт, а не только предположение, и, придерживаясь затем этого утверждения, он убежден, что результатом своих дополнений имеет нечто совершенно отличное от того, что имеют другие. Очень ясно этот ход обнаруживается в следующем фрагменте (68): «Это является решающим для изучения этой психической структурной взаимосвязи: переходы одного состояния в другое, воздействие, которое ведет от одного к другому, *попадают во внутренний опыт. Структурная взаимосвязь переживается.* <...> В тех или иных конкретных взаимосвязях мы узнаем отдельные переходы, отдельные воздействия, сейчас одну связь, потом другую, эти внутренние опыты повторяются, то одна, то другая внутренняя связь повторяется в переживании (*Erleben*), пока вся структурная взаимосвязь не станет достоверным опытом в нашем внутреннем сознании». И несколькими страницами ниже новая фиксация результата: «Итак, эта связь столь разнородных процессов в единство не устанавливается путем заключения, но она есть наиболее живой опыт, на который мы только способны». Очевидно, в этом ходе мысли имеется значительный неопозволимый разрыв. Переходы одного состояния в другое и всевозможные отдельные переживания могут попадать во внутренний опыт, но сама структурная взаимосвязь *не* переживается, она *не* является наиболее живым опытом. Дильтей сам до этого определил, что она есть наиболее темное место всей психологии. Представления и воления, удовольствие и неудовольствие,

единство, целесообразность, действенность — все это подлинные и действительные внутренние переживания. Но то, что все акты представления и воления служат единой цели — способствовать большему удовольствию, эта своеобразная *взаимосвязь* этих переживаний нигде не обнаруживается во внутреннем восприятии как таковая; она угадывается, к ней делается обратное заключение, она конструируется, или как угодно еще это назовите. Для правильности такого рода обратного заключения мы имеем наилучшие основания в актуальном (*gegenwärtigen*) случае, когда такое заключение представляется нам вполне убедительным. И все же совершенно необходимо проводить различие между обязательностью хорошо обоснованного предположения и обязательностью непосредственно переживаемого факта. И Дильтей в своих дополнениях данного, несмотря на все противоположные заверения, приводит нам не непосредственный и живой опыт, но заключения и примысливаемые конструкции, короче, объяснения, как и все прочие психологи. В этом просто-напросто ничего нельзя изменить.

Понятно, что сходство методов ведет и к сходству результатов. Дильтей вряд ли станет отстаивать точку зрения, что обнаруженная им «структура» будет какой-либо новостью для представителей объясняющей психологии. Возможно, он в действительности полагает разойтись с ними в том или ином восполнении данного, а именно в отношении неосознанных представлений. Но фактически он и здесь повторяет то, что является общепринятым у тех, на кого он нападал. В обширном списке гипотез объясняющей психологии в последнюю очередь осуждаются ее предположения об отношениях между сознанием и упомянутой психической взаимосвязью. Ниже мы узнаем (41), что всякое решение о том, является ли ставшее бессознательным «психическим, физическим или психофизическим», — это только гипотеза, и, следовательно, можно «совершенно отвлечься» «от неосознанных представлений, от физиологических следов, не придумывая для них никаких эквивалентов». Несколькими страницами ниже (52) мы, напротив, благодаря «тщательным анализам отдельных волевых действий» получаем намного более позитивные разъяснения. «Во всяком насыщенном культурными отношениями сознании» пересекают друг друга «различные целевые взаимосвязи». Они никогда не могут одновременно присутствовать в сознании. Для того чтобы оказывать воздействие, ни одна из них совершенно не нуждается в том, чтобы наличествовать в сознании. Но они не являются примысливаемыми фиктивными сущностями. Они являются «психической

действительностью». Таким образом, психически действительное, которое не присутствует в сознании, все же действует в нем! Тогда что же еще, собственно, подразумевается под неосознанными представлениями, от которых, по Дильтею, можно полностью отвлечься? Это же и есть позиция ее [объясняющей психологии] представителей, поскольку они не уклоняются в физиологию, что такого рода вещи должны быть примысливаемыми для дополнения данного и в целях его понимания. Нет и следа различия между ними и Дильтеем, у последнего отсутствует лишь само это слово и, кроме того, ясность в отношении того, что позднее он утверждает то же самое, на что до этого нападал. В отношении же предсудительного вопроса о том, следует ли считать неосознанное психическим или физическим или как-нибудь иначе, сам Дильтей склоняется к тому, что оно имеет *психическую* реальность.

И все же предположения объясняющей психологии суть недостоверные гипотезы, в то время как дильтеевские дополнения должны быть совершенно достоверны. Это, правда, его мнение, но мнение, которое, опять же, совершенно пристрастно в своем самообмане. Дильтеевские дополнения пробелов опыта не более и не менее гипотетичны, чем предположения других психологов; и в этом важном пункте между ними нет ни малейшего различия. Заполнение этих пробелов должно быть «угадано», в этом мы вновь убедились. Но где угадывается, там может быть угадано ложно; привилегии правильного угадывания не имеет никто. Найденное решение, пожалуй, можно удостоверить путем эмпирической верификации его следствий, тогда при известных обстоятельствах оно будет весьма правдоподобно, но достоверности непосредственного переживания оно не достигнет никогда. Оно всегда остается гипотетическим; всегда возможны наблюдения, которые обнаружат, что в действительности все обстоит иначе. Таким образом, особой достоверностью, которой Дильтей требует от своих разработок, соблазняться не следует. Она представляет собой влияние субъективной уверенности, которую люди обыкновенно имеют о своих собственных мнениях и их основаниях; объективной правомерностью она не обладает.

Поэтому странная полемическая позиция — отвергать все сразу. Психология сбилась с пути, утверждает Дильтей, так как она вводит помимо данности гипотетические объяснения и конструкции, относящиеся к взаимосвязи психических вещей. Это не соответствует природе этих вещей, все это не нужно и невозможно. Вместо нее следует создать психологию, которая описывает, анализирует, обобщает, но тщательно избегает конструирова-

ния того, что недействительно (*Hinterwirklichen*). Однако по обе стороны этого противостояния остается незамеченным по одному моменту. Объясняющая психология объясняет и конструирует не только из чисто гипотетического предположения, но у преобладающего множества ее представителей в прошлом и у всех ее самостоятельных представителей в настоящее время она готовила себе средства объяснения только путем тщательного изучения того, что дано. Она уже издавна использовала тот метод, который ей рекомендует Дильтей, и не мимоходом и случайно, но с полным сознанием того, что он образует основание всей ее деятельности. Также и описательная психология, с другой стороны, не удовлетворяется описанием, анализом и обобщением данного, но она признает, что данное обнаруживает зияющие пробелы, заполнение которых представляет собой насущную потребность нашего мышления. Но, заполняя их, она действует точно так же, как и объясняющая психология: она объясняет себе то, что не испытывается на опыте, с помощью и по аналогии с тем, что дано в опыте, она конструирует гипотетические взаимосвязи, которые полностью отрешены от непосредственного опыта. Если дополнить каждую сторону этого противостояния относящимся к ней моментом, то обнаружится полное обоюдное равенство; то, чем занимается и к чему стремится одна психология, то же советует и тем же занимается и другая — и *полемика Дильтея оказывается совершенно беспредметной*. Подлинной противоположности принципов и методов здесь не существует вообще, имеется лишь видимость противоположности. Но из-за чего возникает эта видимость? К своему сожалению, я должен сказать, что исключительно в силу того, что автор находится в неведении о вещах с той и другой стороны, в неведении относительно чужих намерений и в неведении относительно своей собственной деятельности².

2. Понятно, что неясность в большом сопровождается многочисленными неясностями в малом. Не могу не привести одну особенно характерную из этих мелочей. Дильтей рассматривает средства описательной психологии и замечает в конце (62), что вопрос о пригодности этого средства для описательной психологии должен решить опыт (*Versuch*). Далее он продолжает: «Многие отдельные взаимосвязи совершенно достоверно установлены психическим анализом. Мы очень хорошо можем отследить процессы, которые ведут от внешнего воздействия вплоть до возникновения образа восприятия; мы можем проследить преобразования этого образа во внутреннее представление» и т. д. Обратим внимание на эти два утверждения о наших способностях, и мы почувствуем себя в чрезвычайно неловком положении, если попытаемся указать, что здесь имеется в виду. Процессы, происходящие между внешним воздействием и, заметим, *возникнове-*

В принципах метода, сказал я выше, между объясняющей психологией и психологией Дильтея не существует действительно-го противоречия, но есть лишь кажущееся. Тем самым не отрицается, что при реализации облик возможной психологии Дильтея в некотором отношении оказался бы совершенно иным, чем у любой другой психологии, а именно: в *одном* отношении имелось бы различие, из-за которого мы сейчас переходим ко второму аргументу Дильтея против объясняющей психологии — к изложению ее недостоверности.

Искомые Дильтеем дополнения пробелов опыта по природе вещей точно так же гипотетичны, как и конструкции представитель ассоциативной психологии. Но нет никакого сомнения в том, что Дильтей постоянно обнаруживает тенденцию быть более осмотрительным в этих гипотезах, чем эти психологи. Он стремится быть более осторожным, чем они: в первую очередь только точно описывать, стремиться отличать различные формы бытия и различные процессы (*Geschehens*), «очень скудно вводить возможные гипотезы». Так, например, хотя он и защищает предположение о несознательной и все же поистине психической реальности (*Realitäten*), но решать, неограниченно ли значимы для этого неосознанного психического законы ассоциации или же имеется свободное возникновение представлений без всякого опосредования ассоциациями, он не желает (40). Он конструирует недоступное для прямого опыта развитие психической жизни с помощью цепочки гипотетических переносов, но взаимосвязь этого духовного развития с развитием органического мира кажется ему чрезвычайно проблематичной (85). Он воздерживается, по-видимому, от определенной позиции в отношении существенной про-

нием образа восприятия, как и *преобразование* этого образа восприятия в воспоминание, — все это оказывается установленным с полной достоверностью! И эта достоверность, заметим еще раз, является достижением описательной психологии, психического анализа! Если бы Дильтей сказал совершенно противоположное, а именно: что оба упомянутых процесса во всем, что здесь существенно, совершенно неясны, хотя там и сям по ним скользит скудный свет, что, далее, для их разъяснения психический анализ ничего не может поделать, и, пожалуй, это прояснение лишь отчасти может быть дано с помощью психологических гипотез, но в значительно большей мере это дело физиологии, — то он высказал бы хорошо известную всем истину. Данная формулировка обнаруживает лишь то, насколько сдвинулись для него даже простые вещи.

блемы отношений между психическими и нервными процессами. Теории так называемого психологического параллелизма он, очевидно, не придерживается, но так как прочие теории этого отношения в современном понимании еще более гипотетичны, чем она, то ему, пожалуй, не следовало бы исключать и ее. Недостоверность объясняющей психологии является одним из его главных контраргументов против нее, и поэтому описательная психология, в сущности, должна доказать свое право на существование, опираясь на большую достоверность своих построений. Спрашивается, насколько обоснованны эти нападки и насколько удовлетворяется это стремление?

Выше было многократно показано, что описательной психологии без гипотез быть не может. Отвлекаясь от тех [гипотез], которые Дильтей очень скудно стремится вводить в нее, [рассматривая] сознание как таковое, содержание трех глав общей части его книги состоит из обширных гипотетических конструкций. Результаты этого конструирования тем не менее имеют для него достоверность не меньшую, чем достоверность непосредственных переживаний опыта, и тем самым сразу обнаруживается, что его общие суждения на недостоверность психологических гипотез основываются на риторическом преувеличении. Некоторые из этих гипотез сделаны с такой же степенью вероятности и в такой же мере верифицируемы в своих выводах, как и добротные естественно-научные гипотезы. Для беспристрастного судьи не стоит упоминать и о том, что благодаря эксперименту и измерению возможность точной верификации необычайно возросла.

Однако, несомненно, имеется много недостоверного, в отношении чего в ближайшее время нельзя принять никакого решения. И благодаря тому, что описательная психология теперь воздерживается от ответа на многие трудные вопросы, она, если угодно, освобождается от недостоверности настолько же, насколько выигрывает в достоверности. Но можно ли это столь просто прокламировать как достижение, как достижение, которое стоило своей цены? На этот вопрос я должен ответить отрицательно. Осторожность и скромность суть превосходнейшие вещи в мире и в науке, в высшей степени необходимо их ценить и беречь. Но при определенных обстоятельствах требуются отвага и смелость, иначе наступает стагнация. Дарвиновская гипотеза развития, если мерить ее масштабом достоверности, была чрезвычайно спорной, таковой она остается и по сей день, ибо где те эмпирические подтверждения, которые ее неопровержимо доказывают и с необходимостью устраняют все другие возможности? Но кто стремится

ся поставить под сомнение то огромное содействие, которое она оказала биологии да и почти всем другим наукам? Или посоветовать ее защитникам не быть столь напористыми и необузданными и очень скромно говорить о своем предположении? Тщательное описание и различие имеют свое место в науке, но гипотеза, которая смело минует то, что еще не описано, и с энергией и энтузиазмом противостоит тем, кто сомневается и боится, также имеет свое место; это плодотворная и побуждающая сила, без которой описание и различие опускаются, как правило, до стерильной и бесцельной деятельности. Это точно так же относится к психологии, которая занята восполнением зияющих пробелов опыта, как и для всех других наук. Устранение недостоверности любой ценой означает также устранение жизни и побуждающих моментов прогресса. Ведь этой позитивной потере позитивное достижение, в принципе, вообще не противостоит. Ибо чего бы, собственно говоря, достиг человек, если бы он не отвечал, пусть даже лишь предположительно, на те глубокие вопросы, которые его беспокоят, а просто устранил их?

Но гипотезы должны строиться доступными средствами, основываться на достаточно широком фактическом материале. Таково мое мнение. Я полагаю также, что это лишь одна сторона дела. Ибо как я узнаю, достаточно ли это средство или нет, и как я выясню, где еще требуется дополнение и где я, следовательно, должен искать, чтобы не действовать наугад? Не иначе как действительно предпринимая попытку создать взаимосвязанную конструкцию этого предмета. Если однажды не приступить к делу с уже имеющимися средствами и постоянно стремиться к обогащению этих средств, то, очевидно, никогда не удастся завершить его с достаточными средствами.

Несчетное число таких попыток отдельный [исследователь] может отбросить сам по себе. Он испытывает и отвергает, вновь испытывает и вновь отвергает. Ибо он не должен, конечно, сразу предлагать публике любую пустую затею, возможно и поддержанную некоторыми небрежными опытами. Но при определенных обстоятельствах он однажды приходит к тому пункту, где он сам по себе окончательно уверен в некоторой конструкции. В таком случае это уже дело широкого обсуждения общественности. И если она теперь не в состоянии прийти к однозначному решению ни в смысле безоговорочного признания, ни в смысле безоговорочного отрицания, то в таком случае наука обогатилась еще одной недостоверной гипотезой. И если многие исследователи пришли к такого рода устойчивой субъективной уверенности, то, возможно, появится множе-

ство противоречащих друг другу гипотез в отношении одной проблемы. Возможно, долгое время не представится возможность принять окончательное решение, однако было бы несправедливо только для того, чтобы не вступать на зыбкую почву, на это время просто отодвинуть их в сторону. Так как это не симптомы неверного опыта и потребности в глубоком реформировании, но, скорее, здоровое и нормальное развитие, которое в ходе дальнейшего прогресса именно благодаря вниманию к тому, что внушает сомнение, мало-помалу рождает и достоверность.

Я еще раз подчеркну, что психология в отношении восполнения пробелов опыта не располагает никаким другим методом, отличным от метода всех других наук. И я спрашиваю: как обстоят дела с достоверностью где-нибудь еще, например в физиологии, которая во многих отношениях подобна психологии? Вместо законченных и категорических ответов, как мы могли бы, пожалуй, предположить, здесь также повсюду имеются взаимоисключающие гипотезы. Гипотезы о наследственности, гипотезы о зачатии, о питании, ресорпции жиров, иннервации сердца и т. д. и т. п. Гипотезы в большом, гипотезы в малом, и чаще всего там, где нельзя предвидеть, когда и откуда может прийти решение загадки. Но никто не находит это предосудительным, физиология цветет и развивается, поэтому и для психологии сомнительным является требование того, что она должна очиститься от своих гипотез.

К этому добавляется еще один момент, который, несмотря на его важность для достоверности психологического знания, ни разу не был упомянут Дильтеем. *Недостоверность психологии начинается вовсе не с объяснений и гипотетических конструкций, но уже с простой констатации фактов.* Именно описание и анализ, которые у Дильтея, по-видимому, служат гарантией общезначимой достоверности результатов, уже в полной мере несут с собой сомнение и противоречивые результаты. Самый добросовестный опрос внутреннего опыта дает одному один результат, другому — другой; и, несмотря на неоднократную и тщательную проверку, часто не удается довести дело до несомненной ясности. При определенных обстоятельствах только исходя из проясняющей гипотезы может быть получено решение чисто фактического вопроса; в качестве верной характеристики фактического положения дел будет рассматриваться то, что, помимо прочего, также наилучшим образом подходит к предполагаемой взаимосвязи вещей. На полную достоверность, таким образом, психология никак не может претендовать, даже если она будет избегать всех гипотез; полная достоверность не дарована и чисто описательной психологии.

Что такое, например, внимательность? Возвышение представления над порогом сознания, говорит Фехнер. По Штумпфу, это некоторое чувство, точнее, чувство удовольствия от замечания некоторого содержания. По Вундту, это, скорее, внутреннее воление, примитивный акт воли, который постоянно предположен в случае так называемых внешних волевых поступков. Дильтей, который снова и снова осуждает объясняющую психологию за однозначную определенность ее элементов, дает, возможно с оглядкой на это, двоякую характеристику. Он называет, как Фехнер, внимательность «усиленным возбуждением сознания» (39 и 74) и, как Вундт, «волевым поведением» (66). Но какое из этих однозначных и двужначных определений все же является истинным? Разрешение этого вопроса не есть дело гипотетических выведений и конструкций, но простого внимания к внутренним переживаниям, которые известны каждому. И тем не менее насколько различны и как недостоверны эти ответы! Или что такое волевой акт? Своеобразная, далее не анализируемая психическая реальность *наряду* с ощущениями, представлениями и чувствами или всего лишь своеобразная комбинация этих элементов? Этот вопрос апеллирует только к непосредственному внутреннему опыту и его анализу, но удовлетворяющего всех ответа он еще не получил.

Если рассматривать с этой точки зрения гипотезы, которые ставятся Дильтеем в упрек объясняющей психологии, то будешь изумлен, как сокращается их число. Упомянутый выше обширный перечень содержит, например, пять определенных гипотез. Последняя из них, касающаяся отношения сознательного к неосознанному, справедливо оставлена без рассмотрения, так как здесь Дильтей, как было указано, сам представляет определенную позицию и тем самым признает оправданным гипотетическое предположение в этом вопросе. Обе предшествующие гипотезы, № 3 и 4, касающиеся сущности воли и самосознания, совершенно не входят сюда. То, о чем здесь идет речь, не есть вовсе недостоверность объяснения или выведения, но наблюдение и анализ. Что ты находишь в себе, когда ты тщательно наблюдаешь и анализируешь свою волю или свое самосознание? Вот в чем вопрос. Таким образом, из всего каталога остаются только гипотезы 1 и 2: психофизический параллелизм и атомистически-механистическая конструкция психической жизни, из которых первая относится наполовину к физиологии и ею навязывается психологии. «Туман гипотез», как называет это Дильтей, в который психология должна быть загнана вследствие своей тенденции объяснять и понимать вещи, сам по себе оказывается не таким уж густым.

Если бы только было возможно освободить ее от всего остального тумана!

Несостоятельность полемики Дильтея тем самым должна быть очевидна и в этом отношении. Там, где речь идет не только о простой регистрации и описании непосредственно данного, — а дильтеевская психология ставит себе значительно более отдаленные цели, — там никак не избежать конструирующих гипотез с их недостоверностью, а иногда и противоречием между этими гипотезами. Но, кроме того, в психологии уже простое получение и характеристика фактов, признаваемых данными, постоянно связаны с сомнением и недостоверностью.

Как признавалось выше, до того как мы приступили к критике, подлинное основание «Идей» Дильтея составляет справедливая мысль, живая реакция на несовершенство способа психических универсальных построений прежней психологии. Если бы эта мысль была поставлена в центр и конкретно рассмотрена с различных сторон, которые она предполагает, то психология была бы усилена одним, если и не совершенно новым в основной мысли, но тем не менее, в силу своего обобщающего характера, полезным вкладом в ее нынешнюю работу. Между тем Дильтей слишком глубоко стремился обнаружить корень проблемы и в этом совершенно ошибся. Он стремится объяснить эти недостатки фундаментальными методологическими заблуждениями, особенно потребностью в объяснении, которую испытывает эта психология, и, выступая против этого, он повел свою атаку в совершенно неверном направлении. Методологические заблуждения, конечно, присутствуют, но они никогда не достигали всеобщей значимости, и в настоящее время они должны считаться полностью преодоленными. Метод психологии в его общих чертах находится в полном порядке. Атаку Дильтея, по понятным соображениям, приходится считать ударом в воздух; он привел цепочку искаженных рассуждений, неясностей, несправедливостей, но не представил новых плодотворных результатов. То, что он рекомендует, хорошо известно психологам, и они всесторонне работают над этими вопросами. То, что осуждается, либо никому не нужно, либо основывается на требованиях, которые выдвигает сама природа вещей и которые помимо воли автора заявляют свои права и в его собственном рассмотрении этих вопросов. Для тех, кто в курсе дел, такого рода атака не имеет большого значения. У тех же, кто далек от психологии, она может легко вызвать неопределенные ложные представления об этих вещах; возможно, она временно введет в заблуждение и тех, кто только вступает в эту область. И для

того, чтобы по возможности предотвратить и то и другое, мне кажется оправданной обстоятельная критика.

В конце следует сказать еще несколько слов об упомянутых Дильтеем «чрезвычайно вредных последствиях» господства объясняющей психологии для развития наук о духе. Они разделяют недостоверность психологических гипотез, так как они, по Дильтею, с необходимостью нуждаются в психологическом основании, и психология также вносит в них спорность без всякой перспективы на ее разрешение. Если же они следуют односторонним теориям отдельных психологов, то появляются такие заблуждения, как историография Бокля, детерминистское направление уголовного права, материализм политэкономии и т. д. «Поэтому в настоящее время широко представлена тенденция» этих наук «полностью исключить психологические основания», в силу чего они, правда, также существенно не улучшаются, но впадают в пустынную эмпирию.

Я оставлю без рассмотрения вопрос о том, правильно ли истолкованы знаки времени, указанные в последнем утверждении о широко распространенной в настоящее время неприязни к психологическим основоположениям. Присматриваясь к некоторым явлениям, можно также заключить, что то, что Дильтей называет *современной* тенденцией, принадлежит, скорее, прошлому и что для настоящего времени характерно как раз возрастающее сближение социальной науки, религиоведения и т. д. с психологией. Пусть будет так, так ему угодно, однако в любом случае следует спросить: по какому праву науки о духе должны требовать от психологии, которой они предъявляют претензии, нечто отличное от того, что они сами в состоянии предложить? Или человек, с которым имеет дело история, общественно-политическая наука, политическая экономия, отличается от того человека, с которым имеет дело психология? Или явления индивидуальной психической жизни намного проще и прозрачнее, чем явления человеческого общества? В некоторых вещах, пожалуй, так и есть, но в других справедливо мнение, которое принадлежит еще Платону, что в социальных институтах отчетливо выражено то, что в отдельной душе приходится разбирать по буквам и издалека. Но как обстоят дела с достоверностью объяснений и исключительностью гипотез в науках о духе? Очевидно, точно так же, как в осуждаемой Дильтеем психологии; идентичность человеческой души, чью деятельность они исследуют в различных направлениях, обуславливает также универсальную однородность научного характера. Совершенно верно, что наука о духе, которая привле-

кает для содействия своим целям общепсихологические анализы, положения, теории, обладает в их лице не громогласно заявленными истинами, но вещами, отчасти подлежащими сомнению и корректировке. Необходимо также, чтобы она сама осознавала это. Но чего-то особенно прискорбного или вредного для этих наук я в этом совершенно не нахожу; тем самым они лишь сохраняют тот характер, который им присущ и который они только и могут иметь по природе предмета. И каждый, кто осуждает психологию за недостоверность ее теорий и обещает заменить ее чем-то совершенно достоверным, кажется представителям этих наук, я полагаю, скорее подозрительным, чем желанным. В соответствии со знанием человеческой психической жизни, которым они уже обладают исходя из своей собственной деятельности, они должны иметь возможность вынести свое суждение об этом порицании и о той поддержке, которая была предназначена для них, и решить, как быть дальше.

Насколько, далее, одностороннее исключение отдельных психологических законов Боклем, Марксом, Ломброзо и т. д. должно свидетельствовать против психологии и ее теорий в целом, мне совершенно непонятно. Осуждать ли теорию электричества в физике, если психологи время от времени ошибались в электрической теории нервного возбуждения? Известно, что несовершенство и незаконченность знания, особенно на службе партийных интересов, вызывает при определенных обстоятельствах заблуждения. Но кто станет приписывать эту вину знанию и предлагать прекратить разработку взглядов и теорий, которые, возможно, однажды и были использованы неверно? Разве не имеется другого и более достойного средства помочь в этой ситуации? Надо лишь следовать далее выбранным путем, обогащать и совершенствовать знание путем его расширения и углубления, тогда заблуждения и ошибки исчезнут сами собой.

Ничего другого нельзя посоветовать и наукам о духе, поскольку они имеют отношение к психологии. Не каждый их представитель, в соответствии с особым направлением своей деятельности в пределах более обширной области, углубляется в психологию. Но если у него есть повод сделать это, то пусть он делает это целиком и полностью, не заботясь о лозунгах борьбы интересов. Тогда не нужно будет опасаться ни того, что он ощутил вредное воздействие столь простой вещи, как психологический детерминизм, ни того, что теория психофизического параллелизма станет представлять для него «опасность».